

**Ценность русского языка
в творчестве учителя, учёного
и поэта
Николая Алексеевича Асташова**

Н.А. Асташова

Сегодня даже неспециалисту понятно, что именно язык в его непосредственном существовании выступает не просто ёмким, а универсальным «хранилищем» культуры. Однако, заключая в себе многовековой опыт социально-психологического саморазвития народа, язык в то же время является наиболее уязвимой, проницаемой «культурной субстанцией», способной свободно принимать посторонние воздействия и чужеродные элементы. Поэтому очевидно, что язык может быть не только «жертвой» всевозможных изменений в жизнедеятельности общества, но в определённой мере и специфическим катализатором этих изменений. Манипулятивное обращение с русским языком и русской речью, нигилистическое отношение к тысячелетней национальной культуре, прежде всего к её духовно-нравственной составляющей, являются основными причинами деструктивной трансформации мировоззренческих позиций, ценностных ориентаций нескольких поколений россиян. Всё это в немалой степени беспокоило и волновало патриота, педагога и поэта Николая Алексеевича Асташова.

Отношение к русскому языку как уникальному явлению, как к живой материи, способной «очеловечивать» человека, отличало профессиональное и поэтическое творчество учёного. Он всегда, вслед за писателем Ф. Абрамовым, повторял, что в слове сокрыта великая энергия человеческого духа, поэтому русский язык всевечен и велик. Без сомнения, назначение национального языка, его главная роль – быть духовным аккумулятором культуры, её

этнической самобытности. Это свойство языка может быть самодостаточным для того, чтобы русская земля, русский народ были сильны в своём достоинстве и хранили целомудренно и свято российский дух.

Николаю Алексеевичу была присуща глубочайшая внутренняя культура, которая имела лингвофило-софское основание и впитала удивительный, высокой духовности язык русского народа с его глубокой проницательностью и мощной внутренней силой, язык А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого, И.А. Бунина и К.С. Паустовского. Всей своей деятельностью учёный утверждал мысль о том, что история языка – это история народа, непреходящая ценность, в которой заключён особый дух и аромат русской жизни, характер и поведение русского человека, его взгляды на мир и место в нём. Поэтому исконно русские слова в их красоте и величии, уникальном звучании – это профессиональная среда, в которой жил Николай Алексеевич, отмеченная его любованием, воодушевлением, упоением, вдохновением...

Особое значение Асташов придавал языку как средству общения. Обращаясь к первокурсникам – будущим учителям, он подчёркивал, что хороший учитель – это прежде всего педагог, искусно владеющий даром слова, так как его свободное речевое поведение в органической взаимосвязи с несловесными средствами общения (жестами, мимикой), опирающееся на такие профессионально значимые личностные качества, как человечность, искренность, честность, ответственность и др., обеспечивают ему подлинную эффективность решения учебно-воспитательных задач.

Специальное внимание Асташов уделял проблеме русского языка в начальных классах, его личностно-развивающему потенциалу. Он считал, что именно родной язык на начальной ступени обучения может и должен стать источником и средством формирования у будущего гражданина России этнокультурных ориентаций. Это возможно, если русский язык и русская речь как системы манифестируют духовный уклад народа

и обуславливают духовную специфику русского человека; родной язык и родная речь выступают как средство привития гражданско-патриотических устремлений: язык и речь представлены как материал, «обслуживающий» практическую жизнедеятельность человека в обстановке его взаимодействия с другими людьми. Вполне оправданным при этом может быть введение таких лексико-семантических групп, как «христианско-православная вера», «душа и её проявления», «Россия – моё отечество», «Я и другие» и т.п.

Работа со словом в начальной школе – это уникальное искусство. Любое слово-понятие, слово-образ, словочувство, по мысли Асташова, должно быть представлено ситуативно, в познавательном-оценочном контексте. При этом он считал необходимым: а) включать эмоционально-волевою сферу личности через стимулирование модальной оценки учащимися содержания (значения) языкового знака, выступающего предметом усвоения; б) поощрять речевую деятельность детей на основе личностной интерпретации слова или произведения; в) стимулировать условно-игровые формы поведения, выражающие аффективные реакции на усваиваемый материал.

Размышляя над проблемой приобщения подрастающего поколения к истинно народному, глубокому и выразительному русскому языку, учёный глубоко переживал кризис слова, кризис языка, который, по его мнению, ведёт к кризису самосознания и самовыражения. Современный сленг молодёжи в функционально-экспрессивном отношении связан исключительно с пейоративами, т.е. словами, имеющими уничижительную стилистическую окраску, которая, накладываясь на бездуховное или безнравственное по сути своей значение слова, усиливает его разрушительный потенциал. Николай Алексеевич считал, что современный молодёжный жаргон, порождённый продолжающимся социально-экономическим и культурным распадом основ жизнедеятельности русского народа, может и, вероятно, должен быть оценён как негативное

социально-психологическое явление, поскольку он моделирует в сознании детей, подростков, юношей деструктивные, анархические установки и провоцирует их на агрессивное поведение.

Именно поэтому учёный провозглашал идею экологии языка, экологии слова, в основе которой должна находиться чистота нашего повседневного языкового существования. Важно создать закон о языке как наиболее универсальной и вместе с тем наиболее хрупкой составляющей национальной культуры, принять государственную программу языкового строительства. Наконец, необходимо ввести элементарную лингвистическую цензуру на материалы прессы и электронные средства массовой информации. Без этих мер открыт путь к полному растабулированию лексики, для которой базовыми семами являются позиции духовного и физического порабощения человека, надругательства и глумления над ним.

Выходом из этого порочного круга может быть продуманная языковая политика как на идеологическом, так и на культурно-образовательном уровне. Естественно, Асташова как педагога интересовала прежде всего образовательная сфера, поскольку именно в ней заключены благодатные возможности коррекции бездумно-волюнтаристского обращения с родным языком. Реализация этих возможностей напрямую зависит от способов образовательного воздействия на школьников. Николаю Алексеевичу в его профессиональном творчестве удалось создать систему работы со словом как для самых маленьких учеников, так и для студентов и учителей-профессионалов, систему, для которой основным тезисом может быть «Язык как источник вочеловечения».

Чтобы вдохнуть в речь аромат живого слова, сделать исключительный дар говорения и слушания источником вочеловечения себя и других, по мнению Асташова, следует ввести современника в храм слова, указать ему на обязанность сохранять его и продемонстрировать образцы бережного обращения с родным языком.

Осуществлять эту неимоверно трудную и в то же время благороднейшую задачу можно и должно разными путями, среди которых первое место, бесспорно, принадлежит риторическому образованию. Человеку, начиная едва ли не с дошкольного периода развития и далее – без ограничения возраста, предстоит освоить несколько учебных курсов риторики, чтобы убедиться в том, что СЛОВО – ЭТО ДУША, РАЗУМ, ДЕЛО. При этом, считал учёный, нельзя экономить ни силы, ни средства, ибо воспитание благоговейного и вместе с тем хозяйского отношения к речи обязательно будет оплачено сторицей в виде улучшения духовного здоровья народа в целом и каждого соотечественника в отдельности.

Речь человека представляет собой живое воплощение духовных недр личности. Речь Николая Алексеевича всегда была образцом бережного отношения к слову, в ней отражался уникальный, богатейший лингвомир, в котором русское слово являлось центром постижения смысла бытия, глубин духа человека, любви к своей великой Родине. К каким бы строкам Н.А. Асташова мы ни обратились, к научным ли статьям, к записям лекций, к поэтическим страницам, становится ясно, что всё это – жемчужины мудрости, образцы непреходящей ценности великого могучего русского языка:

плюс ДО
и ПОСЛЕ

НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА

Я стих начну –
я натяну струну!
И звук родится,
яростью пылая.
Непонимания круша волну,
Восстанет дух,
на разум уповая.
Я стих продолжу –
струны пусть звучат!
И рвётся боль из жерл
любви без страха:
Смотри – для всех
(кто даже не зачат)
Готовится вселенски –
злая плаха.
Я стих продолжу –
струнам силу дам
Такую, чтоб явилась
знаком кары
Безумия! Всем
странам-городам
Предупрежу библейские
пожары.
Я стих закончу –
оборву струну!
Душа сгорела –
ей струна излишня.
Мир будет жить!
Но только не пойму,
Зачем стоит весной
без цвета вишня?..

Николай Алексеевич Асташов (20.08.1953–28.12.1999) родился в крестьянской семье, в посёлке Заря Добрянского района Липецкой области. В 1970 г. он поступил в Липецкий государственный педагогический институт по специальности «Русский язык и литература» и в 1974 г. окончил это учебное заведение. Учился блестяще, покорял своей эрудицией и глубиной мышления, был душой студенческой компании и вечным завсегдатаем областной библиотеки.

С 1984 г. Н.А. Асташов работал в Брянском педагогическом институте – университете старшим преподавателем, доцентом, заведующим кафедрой. Однако вне зависимости от занимаемой должности Николай Алексеевич всегда демонстрировал образцы высокой интеллектуальной культуры, творчества и товарищества, справедливости и добропорядочности. Поражала в нём степень погруженности в стихию мысли, преданность своему делу. Увлекала

и привязывала к Николаю Алексеевичу естественная, полная настоящего, неподдельного такта и интеллигентности манера общения. Он с большим уважением относился к личному и профессиональному достоинству своих коллег, всегда готов был прийти на помощь студентам. Чем он только ни занимался на факультете начальных классов: работал с агитбригадой, выпускал вместе со студентами факультетскую газету, помогал на студенческих конкурсах, возглавлял профбюро факультета, ездил «на картошку»...

Особая страница его жизни – работа с учителями начальных классов. Обладая педагогическим талантом и методическим чутьём, Асташов в разных районах области давал открытые уроки. Эти педагогические мастерские были школой гуманизма, творчества, любви, сказки, импровизации. Они дополнялись разнообразными лекциями, семинарами и консультациями, о которых просили и маститые, и начинающие педагоги.

Всегда с высоким чувством ответственности Николай Алексеевич работал со студентами. Он был блестящим лектором, чьи яркие, глубокие, продуманные выступления запомнились на всю жизнь. Праздником для студентов была практика, которой руководил Асташов, поскольку она становилась творческой лабораторией, где каждому студенту была гарантирована помощь в поиске собственного оригинального педагогического почерка.

А ещё он был поэтом, чьи строки наполнены теплом и нежностью, радостью и болью. Он писал о дружбе и любви, об учителе и защитниках отечества, о природе своего родного села и о Москве... В поэтических строках выражены разнообразные состояния души, восприятие мира, подлинный смысл человеческого бытия.

Творчество Н.А. Асташова показывает его отношение к ценности русского языка, к его глубинам и уникальным возможностям отражения окружающего мира и внутренней природы человека. В работах Николая Алексеевича сконцентрированы культурологические осно-

вы понимания доминантной роли русского языка в личностном развитии и в выражении этнической самобытности культуры. Именно поэтому рассуждения выдающегося исследователя и педагога о развитии речи, организации чтения как пути человека к самому себе, о языковых проблемах и сегодня актуальны и достойны внимания.

Вот одна из небольших статей Николая Алексеевича, пронизанная любовью к русскому слову, тревогой за его судьбу и обнажающая одну из самых острых проблем современной этнической культуры.

Н.А. Асташов

ПОУРОНИЛИ СЛОВО РУССКОЕ...

Это было прошлой промозглой зимой. Как-то, проходя мимо детского сада, огороженного по подобию зверинца железной изгородью, я услышал от малышни, играющей во дворе, звонкие, как весенняя трель скворцов, приветствия: «Здравствуй, дядя!» Чистые голоски прозвучали так искренно и тепло, что грех было не замедлить шаг и не ответить на доброе приветствие милого народца. «Здравствуй, ребятня!» – довольно громко и с большим воодушевлением поприветствовал я пёструю группку, пытающуюся из смеси снега и грязи соорудить нечто вроде снеговика.

Детишки, видимо, не ожидавшие столь заинтересованной реакции на своё обращение ко мне, на мгновение замерли, а потом стайкой припорхнули к самой изгороди. Их живые и любопытствующие глазёнки выражали желание продолжить разговор, поэтому я спросил: «Озябли, небось?» Задавая этот вопрос, я предвкушал неугомонное совместное составление рассказа, в котором каждому из десятка дошкольников, находившихся от меня на расстоянии вытянутой руки, отводились сразу две главных роли – действующего лица и рассказчика.

Увы! Мой вопрос растворился в какой-то неестественной тишине. Окинув взглядом лица ребятешек, я сразу же заметил, что их живой интерес к моей персоне сменился недоумением и даже растерянностью. Почему? Я стал лихорадочно перебирать возможные причины

этого внезапного отчуждения. Может, они боятся воспитательницу, которая, скорее всего, запрещает разговаривать с посторонним человеком. Может, они почувствовали во мне неинтересного собеседника. Может, я не совсем чётко произнес фразу. Выбрав последнее, я достаточно отчётливо повторил свой вопрос. И снова – никакого отклика.

И тут меня осенило: дети растерялись потому, что не понимают смысла обращённой к ним фразы. Тут же как бы в подтверждение этой догадки розовощёкий крепыш осуждающе изрёк: «Смешной ты дядя – говоришь не по-русски». Боже мой! В этот момент со стыда я был готов провалиться сквозь землю. В самом деле, как могло случиться, что русские дети исконных жителей России оказались в таком затурканном состоянии, когда родная речь стала для них сущей абракадаброй? Отчего русское слово утратило свою живительную силу и привлекательность для тех, кому она завещана как святыня десятками поколений прародителей? Наконец, почему мы продолжаем пребывать в немотствующем состоянии, словно для нас и нет никакой опасности обрыва самой мощной и вместе с тем самой доступной для прохвостов разных мастей духовной пуповины, питающей наше национальное самосознание?

Наверное, кому-то эти вопросы покажутся пустячными, не стоящими выеденного яйца (мол, у людей куска хлеба зачастую нет, а он о каких-то словах распинается), однако большинство соотечественников, несомненно, серьёзно обеспокоены сегодняшними бедами, свалившимися на родной язык. А бед этих немало. Это прежде всего засилье заимствований из английского языка (англицизмов), повсеместное распространение уголовного жаргона, беспрецедентное в истории русского языка использование площадных слов и выражений – матерщины. И дело тут не только в языке (слове), а в нашей духовной самостоятельности, ибо нынешнее разрушение языка – это очевидное проявление кризиса духовно-нравственного потенциала русского народа. Достаточно привести несколько суждений, чтобы убедиться в этом.

Древние полагали: как живём, так и говорим. Действительно, требовать от соотечественника, деморализо-

ванного, с одной стороны, крушением высоких идеалов и волчьим законом дикого капитализма – цель оправдывает средства – с другой, благоговейного обращения с родным языком вряд ли справедливо. Но при этом мы не имеем права забывать о том, что, приспособив язык к безобразной действительности, мы тем самым провоцируем дальнейшее разложение духовно-нравственных основ своего существования.

Длительное время мы повторяли одностороннюю фразу о том, что язык есть универсальное средство человеческого общения. При этом отбрасывалась другая роль языка – быть универсальным источником и незаменимым средством психо-социального развития человека как представителя своего народа. Именно через язык человек обретает систему отношений к миру, определяющую его образ жизни. Именно посредством языка человек отбирает и формирует некую совокупность поведенческих установок, обуславливающих его реальные действия. При этом и установки, и воплощающие их действия очерчиваются контуром традиционных национальных предпочтений. Поэтому вполне оправданным будет и обратное построение приведённого высказывания древних: как говорим, так и живём.

Стало быть, современное кризисное состояние языка является не только проявлением нашего духовного нездоровья, но и условием, провоцирующим дальнейшую деградацию «русского духа».

Надежда Александровна Асташова – доктор пед. наук, профессор кафедры педагогики Брянского государственного университета, г. Брянск.